

УДК 94; ББК 63.3(2)41–45; DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2022.105>

М. В. Дмитриев

**CONFESSIO VS NATIO.
ВИЗАНТИЙСКАЯ БОГОСЛОВСКАЯ ТРАДИЦИЯ
КАК ПРЕПОНА В ФОРМИРОВАНИИ ДИСКУРСОВ
ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ***

В статье предпринимается попытка верифицировать некоторые аспекты исследовательской гипотезы, предполагающей, что на территориях будущих Украины, Белоруссии и России в XI–XVII вв. в восточнохристианской культуре византийского «извода» нормативные традиции византийско-православного богословского мышления — идеологий, ментальностей, дискурсов — вступали в конфликт с тенденцией видеть в «русских» и «рутенах» сообщества этнического ряда¹. Под этническими сообществами, в соответствии с нормами современного академического языка, мы понимаем такие группы людей, которые представляются носителями индивидуальной «культурно-языковой» (объективной и субъективной) идентичности, отличающей одну группу от другой.

Термины *natio, nationes* в «латинских» (католических и, позднее, протестантских) культурах позднего Средневековья и раннего Нового времени, как мы хорошо знаем, понимались как обозначения или политико-территориальных сообществ (французы, чехи, поляки и т. д., то есть подданные соответствующих государств и объекты соответствующих систем права), или территориальных групп («нации», представленные на церковных соборах или в средневековых университетах, парижская «нация»,

---

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Культурные модели европейского Средневековья», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.

¹ Статья представляет проблематику доклада «Церковь и дискурсы протонациональной идентичности Московской Руси: девиация от “западной нормы”?», прочитанного автором в ПСТГУ 19 февраля 2021 г. во время коллоквиума «Церковь и нация в православных регионах Европы: Средние века и Новое время».

флорентийская «нация», венецианская или генуэзская «нации», гасконская «нация», немцы как «люди из Германии», «литовские люди» как «люди из Литвы» и т. п.). Но уже тогда *nationes* понимались и как сообщества, объединенные совокупностью некоторых приписываемых им идентитарно-этнических черт, присущих именно немцам, или именно французам, или полякам, или чехам. Христианство во всех этих случаях выступает как одна из идентитарных характеристик, которую члены той или иной *natio* разделяют с иными индивидами, принадлежащими к той же *natio*. Однако христианство не мешает им отделяться от иных «народов», противостоять иным *nationes*, отличным от их собственной *natio*.

Иными словами, при упоминании немцев, французов, поляков, чехов и т. д. ссылки на «этничность» и религию (в случае Европы это христианство) дополняют друг друга и не вступают в противоречие. Упрощенно говоря, христианство как одно из измерений идентичности той или иной *natio* никак не противоречит тому, что это *natio* именно, например, французов или именно чехов. Принято считать, что такая манера понимать «национальное» в доиндустриальных культурах является универсальной и «естественной» для человеческих обществ. Но в самом ли деле это так?

Сомнения такого рода возникли в ходе осуществления международного исследовательского проекта «*Confessiones et nationes*. Конфессиональные традиции, протонациональные и национальные дискурсы в истории Европы»², ставшего ответом на опыт изучения последствий Брестской церковной унии в христианской культуре украинско-белорусских земель. Спровоцированные унией конфликты породили огромную массу источников, в которых постоянно фигурируют термины «русская вера», «белорусская вера», «русь», «белорусцы», «ляхи», «ляшская вера», «обляшиться» и т. п. Внимательное прочтение этих источников показывает, что названные понятия очень часто (но не всегда) наделены не этническим, а (вопреки распространенному спонтанному и априорному прочтению наших текстов) одним лишь конфессиональным смыслом³.

---

² Подробнее о проекте см.: сайт научно-общественного объединения «Центр украинистики и белорусистики» Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/korporationes.htm>).

³ С этим парадоксом исследователи еще не справились. См. подробнее, например: Дмитриев М. В. 1) Православное и «русское» в представлениях о «русском народе» Речи Посполитой (конец XVI – середина XVII вв.) // Древняя Русь после Древней Руси: Дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017. С. 193–214; 2) «Народ благочестия руского»: О конфессиональном и этническом в представлениях о «русском народе» Речи Посполитой // «Вертоград многоцветный»: Сборник статей к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 453–463. – Ср.: Флоря Б. Н. 1) Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами унии в «массовом сознании» простого населения Украины и Белоруссии в первой половине XVII в. // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. М., 1996. Ч. 2. С. 151–174; 2) Національно-конфесійна свідомість населення Східної України в першій половині XVII століття // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви у XVII столітті: Матеріали Четвертих «Берестейських читань», Львів, Луцьк, Київ, 2–6 жовтня 1995 р. Львів, 1997. С. 125–147; Неменский О. Б. Об этноконфессиональном самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии // Между Москвой, Варшавой и Киевом: Сборник статей. М., 2008. С. 105–113; Ткачук В. А. «Руская вера» кон. XVI – первой пол. XVII в. // Религия и русь, XV–XVIII вв. М., 2020. С. 291–311.

Эта ситуация заставляет предположить, что православная культура украинско-белорусских земель очень долгое время (пока не испытала сильного воздействия «латинской» манеры мыслить о «протонациональном») не признавала этнических параметров коллективной идентичности. Конфессиональное самоопределение было самодостаточным: более того, формула «мы — русь, *то есть* православные», видимо, препятствовала распространению формулы «мы — русские (русские, русины, рутены), *то есть* русский этнос». Если это выявляемое нашими источниками дискурсивное противоречие между этническим и конфессиональным не есть мнимость, то как его объяснить?

Поиск ответа на данный вопрос побудил обратиться к опыту православного Московского государства, Киевской Руси и Византии⁴. Ниже нам предстоит всмотреться в ту сторону разрабатываемой гипотезы, которая касается взаимодействия представлений об «этническом» с традициями православной богословской мысли. Это до сих пор не изученная сторона истории дискурсов протонационального самосознания Древней Руси, в то время как многие другие стороны этой проблематики издавна и активно изучаются⁵.

⁴ Исследования проводились начиная с 2003 г., в рамках проекта, посвященного компаративному изучению генезиса и эволюции протонациональных и этнических дискурсов в культуре Византии, Древней Руси, Московского государства, украинско-белорусских земель и России по сравнению с опытом стран «латинского» мира (прежде всего Франции и Польши). См., например: Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время = *Religion et ethnicité dans la formation des identités nationales en Europe. Moyen Âge – époque moderne*. М., 2008; *Confessiones et nationes. Discours identitaires nationaux dans les cultures chrétiennes: Moyen Age – XXe siècle / Sous la dir. de M. Dmitriev et D. Tollet*. Paris, 2014. — Изучение проблематики было продолжено в Лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ и в рамках исследовательской программы, начатой в 2015 г. ГИИМ-ом по инициативе А. В. Доронина (см., например: Древняя Русь после Древней Руси: Дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017; Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: В поисках своей истории. М., 2017; Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков. М., 2018; «Места памяти» руси конца XV – середины XVIII в. М., 2019; Религия и русь, XV–XVIII вв. М., 2020).

⁵ Из публикаций последнего времени особенно важно отметить работы Д. А. Добровольского, В. Я. Петрухина и П. С. Стефановича, которые, однако, не ставят вопрос о том, каковы были конфессиональные корреляты этих дискурсов. В трудах А. В. Лаушкина анализируются тексты, которые говорят о «христианах» Киевской Руси, и взгляды древнерусских книжников на соседние с Русью народы. См.: *Добровольский Д. А.* 1) Якоже и прародители наши погынуша: К вопросу об этническом самосознании древнерусских летописцев XI – начала XII в. // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета*. 2010. № 7. С. 83–95; 2) Начальная летопись как источник по истории коллективного самосознания Древней Руси // *Диалог со временем*. 2009. № 27. С. 43–61; *Петрухин В. Я.* 1) Древняя Русь: Этнический аспект становления и развития государственности // *Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства*. М., 2012. С. 9–59; 2) «Этничность» в древней Руси // *Восточная Европа в древности и средневековье. Античные и средневековые общности: XXIX Чтения памяти В. Т. Пашуто*. М., 2017. С. 190–194; *Стефанович П. С.* 1) К вопросу о понятии русь в древнейшем летописании // *Slověne*. 2018. Vol. 7. № 2. С. 356–382; 2) Новые подходы к этничности в медиевистике: Взгляд из «древнерусской перспективы» // *Историческая память и российская идентичность*. М., 2018. С. 467–486; 3) Идентичность руси в «имперско-эсхатологической» перспективе

Современная украинская и белорусская историография характеризуется обилием научных и научно-публицистических работ о тех или иных аспектах национального самосознания украинско-белорусских земель в XVI–XVIII вв.⁶, но ни одна работа не предпринимает специального анализа поставленной нами проблемы — проблемы взаимодействия конфессионального и светского в построении представлений о протонациональной идентичности «народов» Восточной Европы.

Что касается Московской Руси, то, с одной стороны, специальных исследований, посвященных «протонациональному» самосознанию ее элит и рядовых жителей очень мало. С другой — в опубликованных материалах интересующая нас проблематика затрагивается весьма редко. Исключения составляют статьи, посвященные темам «Москва — Третий Рим» и «Русь — Новый Израиль»⁷. Нужно, однако, отметить научное значение трех статей П. Бушковича⁸, который пришел к выводу, что представления об идентичности «русских людей» и России — это «государственнические»⁹, а не этно-культурные представления. Гипотезе П. Бушковича о «вне-этнической» логике построения старомосковских дискурсов «русской» идентичности соответствуют первые результаты наших недавних специальных исследований¹⁰. Большое значение имеют и выводы К. Ю. Ерусалимского о чуждости понятия «русский народ» дискурсам Московской

составителя «Начального свода» // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. М., 2018. С. 48–64; 4) Русь протопопы Аввакума: От «нового Израиля» к «духовному братству» // *Религия и русь, XV–XVIII вв.* М., 2020. С. 369–389; *Лаушкин А. В.* 1) К вопросу о развитии этнического самосознания древнерусской народности («хрестеяни» и «хрестьяньскыи» в памятниках летописания XI–XIII вв.) // *Средневековая Русь: Вопросы медиевистики*. М., 2006. Вып. 6. С. 29–65; 2) Русь и соседи: История этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019.

⁶ См. обзор историографии в статье: *Дмитриев М. В., Шнирм А. М.* Идентичность Руси и «руси» в письменных памятниках украинско-белорусской православной культуры XV–XVII вв.: Историографические заметки // *Нарративы руси конца XV – середины XVIII вв.: В поисках своей истории*. М., 2017. С. 332–383.

⁷ Обзор историографии проблемы см.: *Дмитриев М. В.* 1) Конфессиональный фактор в формировании представлений о «русском» в культуре Московской Руси // *Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время*. М., 2008. С. 219–222; 2) «Русский народ» или «люди Божии»? Об особенностях протонациональных дискурсов в культуре Московской Руси // *Polystoria*. Бог, Рим, народ в средневековой Европе. М., 2021. С. 266–275.

⁸ *Bushkovitch P.* 1) The Formation of a National Consciousness in Early Modern Russia // *Harvard Ukrainian Studies*. X (1986). № 3–4. P. 355–376; 2) What Is Russia? Russian National Identity and the State, 1500–1917 // *Culture, Nation, and Identity. The Ukrainian-Russian Encounter (1600–1945)*. Edmonton; Toronto, 2003. P. 144–161; *Бушкович П.* Православная церковь и русское национальное самосознание XVI–XVII вв. // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 101–117. — С работами П. Бушковича перекликается статья З. Когуца: *Kohut Z. E.* A Dynastic or Ethno-Dynastic Tsardom? Two Early Modern Concepts of Russia // *Extending the Borders of Russian History. Essays in Honor of A. J. Rieber*. Budapest; New York, 2003. P. 17–30.

⁹ *Bushkovitch P.* What Is Russia? P. 145.

¹⁰ *Дмитриев М. В.* Конфессиональный фактор... С. 218–240; *Dmitriev M. V.* 1) Le confessionnel et l'«ethnique» dans la construction des discours proto-nationaux en Russie Moscovite aux XVIe – XVIIe siècles // *Istina*. L (2005). P. 137–162; 2) La «Sainte Russie» et la chrétienté // *La chrétienté dans l'histoire. Une notion mouvante*. Paris, 2014. P. 105–127.

Руси¹¹ и его наблюдения (как и наблюдения И. Ауэрбах¹² и И. Грали¹³) над тем, насколько различными были присущие польско-литовской и московско-русской культуре манеры понимать «национальную» идентичность эмигрантов из России в Речь Посполитую¹⁴.

В целом, состояние исследований по истории Московской Руси ставит нас перед более или менее очевидным парадоксом: в культуре, которая очень настоятельно подчеркивала свою «особость» (идентичность), а сердцевиной этой «особости» считались «христианское царство» и «православие», почти отсутствуют (или очень неразвиты) представления о «русском народе» как носителе «национальной» идентичности. Этот парадокс пока никем не объяснен. Наша статья — это небольшой шаг в попытке понять генезис отклонений от «западной нормы» в православной культуре Руси и Московского государства.

Откуда могли прийти в православную культуру Восточной Европы (Киевской Руси и ее земель-наследниц) такие построения, согласно которым все христиане могут выступать как единая *natio* или единый «этнос», и членами этой «нации» оказываются «новые люди», которые *стали* таковыми *после* крещения, принадлежа *до* крещения к разным племенам? Как могло получиться так, что в ментальном мире автора ПВЛ и многих других православных книжников христианская конфессиональная идентичность индивида как бы элиминирует и замещает его племенную идентичность, светская история племен и «народов» превращается в священную историю *христиан*, единого «народа Божия»? Естественно предположить, что истоки данного явления нужно искать в византийской православной культуре и в том, как она осмысливала иудео-христианскую конфессиональную традицию.

Согласно представлениям древнейшей иудео-христианской традиции, род Адама и есть единый род всех людей. Однако с какого-то момента он распадается на ряд *nationes*. С какого момента и почему? Как очень хорошо известно, в основе христианско-библейского взгляда на множественность народов лежит миф о Вавилонском столпотворении, за которым последовало наказание обьятых грехом гордыни людей. Наказание состояло в том, что единый род человеческий, говоривший на одном языке, был разделен на несколько десятков народов и языков (72, как чаще всего принято было считать),

¹¹ *Ерусалимский К. Ю.* 1) Понятия «народ», «Россия», «Русская земля» и социальные дискурсы Московской Руси конца XV – XVII вв. // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время. М., 2008. С. 137–179; *Ерусалимский К.* Orthodox Roots of National Identity: The Notion «Russian People» in the Pre-Modern and Early-Modern Muscovy and Ruthenia // Humanism in the European Science and Culture. Lublin, 2010. P. 87–88; *Ерусалимский К.* The Notion of People in Medieval and Early-Modern Russia // Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne. Vol. 3. 2011/2012. P. 9–34.

¹² *Auerbach I.* Identity in Exile: Andrei Mikhailovich Kurbskij and National Consciousness in the 16th Century // Московская Русь (1359–1584): Культура и историческое самосознание. М., 1997. P. 11–25.

¹³ *Граля Х.* Была ли «Святая Русь» «местом памяти» руси Речи Посполитой? // «Места памяти» руси конца XV – середины XVIII в. М., 2019. С. 260–291.

¹⁴ *Ерусалимский К. Ю.* Natione Moschus: Идентичность выходцев из Московского государства в Речи Посполитой XVI – начала XVII в. // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История / Studia classica et mediaevalia». М., 2011. № 14 (76)/11. С. 326–352. — Эти наблюдения развиты в книге: *Ерусалимский К. Ю.* На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018.

которые потом разделись на еще большее число «народов». Это раздробление человечества может быть понято, таким образом, как Божья кара, а идеал может быть увиден в воссоздании единства человеческого рода. Обетованием будущего единства, преодоления «вавилонского греха» и «выздоровления» в этом случае оказывается праздник Пятидесятницы. Проповедь апостолов, начавших говорить на 72 языках, должна объединить людей в единое целое; люди снова станут единым «Адамовым родом» и будут говорить на одном языке. Единство будет достигнуто объединением в одной церкви.

В Средние века одни богословы понимали предание о Вавилонском столпотворении как понуждение к необходимому единству и даже, можно сказать, однородности. Другие перестали видеть в разделении людей на отдельные народы беду и наказание и принялись проповедовать «естественность» обособления людей в границах отдельных *gentes* и *nationes*¹⁵.

Религиозная мысль, обращаясь к данной теме, развивалась в пространстве между этими двумя логиками. Подчеркивалось (начиная с Юстина Мученика, во II в. н. э.), что Христос приходит не к одним иудеям и признает равное достоинство за всеми, кто принял истинную веру, вне зависимости от их языка. Слово Божие было объявлено всем народам, и даже на небе хвалебные песни ангелов звучат по-разному на разных уровнях небесной сферы. Церковь, хотя и всемирна, объединяет, не смешивая, все 72 народа, к каждому из которых приставлен свой «индивидуальный» ангел. Ориген даже пытался просчитать, сколько народов и языков входит в Израиль. Но вот Евсевий Кесарийский, повторяя Оригеново учение об ангелах, сопровождающих народы, подчеркивает, что в начале человеческой истории было вовсе не разделение народов, а наоборот, единство всех людей¹⁶, разрушение которого стало наказанием. Кирилл Александрийский писал, что Бог, карая потомков Адама, сначала разъединил род человеческий во время строительства Вавилонской башни, но потом, в ипостаси Христа, своим словом объединил все человечество, и Пятидесятница есть знак такого единения¹⁷. Аналогичные мотивы выражены Иоанном Златоустом в толкованиях на первое послание ап. Павла к Коринфянам: смысл Пятидесятницы в том, что она преодолевает трагедию вавилонского разделения человечества на отдельные народы¹⁸.

Как с этой линией богословствования соотносился опыт Византии? Представлениям византийцев о самих себе, то есть их «национальному» самосознанию, посвящен ряд работ¹⁹. И почти все из них признают, что византийская модель *wir-Gefühl* в той или

¹⁵ Borst A. Die Turmbau von Babel. Geschichte der Meinungen über Ursprung und Vielfalt der Sprachen und Völker. Bd 1–6. Stuttgart, 1957–1961. — Для нашей проблематики важны лишь два первых тома этого монументального труда.

¹⁶ Borst A. Die Turmbau von Babel. Bd 1. S. 242.

¹⁷ Borst A. Die Turmbau von Babel. Bd 1. S. 252.

¹⁸ Borst A. Die Turmbau von Babel. Bd 1. S. 249–250.

¹⁹ Эта тема породила большие дебаты, которые продолжают и теперь: *Ivanka E. v. Rhomäerreich und Gottesvolk. Das Glaubens-, Staats- und Volksbewusstsein der Byzantiner und seine Auswirkung auf die ostkirchliche-osteuropäische Geisteshaltung.* Freiburg; München, 1968; *Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'empire byzantin.* Paris, 1975; *Koder J. Byzantinische Identität — einleitende Bemerkungen // Byzantium. Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. 18–24 August, 1996. Major papers.* Copenhagen, 1996. S. 3–6; *Kaldellis A. Hellenism in Byzantium: The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition (Greek Culture in the Roman World).* Cambridge, 2007; *Angelov D.*

иной степени отличалась от сложившихся в «латинской» культуре моделей. В целом, идея необратимого и непреодоленного Боговоплощением разделения человечества на 72 народа не была принята в византийской православной мысли²⁰.

Такой авторитетнейший византист, как Ж. Дагрон, предлагая в небольшой статье²¹ резюме своей фундаментальной книги²², пишет, что византийские авторы сближали фигуру императора как главы земного царства, земной политики, населенной многоязыкими народами, с фигурой Бога-Логоса, с одной стороны, и с фигурой Человека-Христа — с другой стороны. Император, как Логос-Посредник в отношениях с Богом, создает, опираясь на «политическую теологию» Евсевия Кесарийского, политический порядок, который мыслится как неотделимый и неотличимый от норм теократии, то есть исключает разделение на «светское» и церковное. Эта система взглядов была попыткой создать такую «архитектуру» христианской империи, где сам Бог выступает создателем (демиургом) установленного строя и где Логос, Бог-Сын (император в такой функции, или, как можно, видимо, выразиться — в такой ипостаси), действуя как необходимый посредник между единством божественного мира и множественностью индивидуальных феноменов тварного мира, должен привнести в мир правила разума и организации, которые спасут мир от анархии множественности. В своей функции (как бы ипостаси) Христа император предстает едва ли не как воплощение царя небесного; он командирован Богом-Логосом для управления людьми, имея целью спасти людей от губительного разнообразия языческих культов, искореняя их; и спасти их же от «разделения на этносы, объединив всех людей вселенной»²³ (курсив наш. — М. Д.).

Выводы Ж. Дагрона переключаются с заключениями Э. Арвайлер²⁴. Она отталкивается от того общепризнанного факта, что образованные византийцы называли себя и других

Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330. Cambridge, 2007; Page G. Being Byzantine: Greek Identity before the Ottomans. Cambridge, 2008; Malamut E. De l'empire des Romains à la nation des Hellènes. Evolution de l'identité des Byzantins de fin du XIe au XVe siècle // Nation et nations au Moyen Age. XLIVe congrès de la SHMESP. Prague, 23–26 mai 2013. Paris, 2014. P. 165–179; Eshel S. The concept of the Elect Nation in Byzantium. Leiden; Boston, 2018.

²⁰ Podskalsky G. Byzantinische Reicheschatologie. Die Periodisierung der Weltgeschichte in den vier Grossreichen (Daniel 2 und 7) und dem Tausendjährigen Friedensreiche (Apokl 20). Eine Motivgeschichtliche Untersuchung. (Münchener Universitäts-Schriften. Reihe des Philosophischen Fakultät, 9). München, 1972. S. 74. — Подскальский ссылается на два первых тома исследования А. Борста.

²¹ Dagron G. Orient-Occident: Césaropapisme et théorie de deux pouvoirs face à la modernité // Revue d'éthique et de théologie morale «Le Supplément». № 226. 2003, Septembre. P. 143–157.

²² Dagron G. Empereur et prêtre. Étude sur le «цésarопапизм» byzantin. (Bibliothèques des histoires). Paris, 1996. (Русский перевод: Дагрон Ж. Император и священник. Этюда о византийском «цезарепапизме». СПб., 2010).

²³ Dagron G. Orient-Occident... P. 147. Ср. очень острую формулировку Д. Найкола: «Byzantinism — a sense of spiritual identity that was nourished by an irrational belief in the interdependence of time and eternity, a sense of belonging to a theocratic society» (Nicol D. Church and Society in the last centuries of Byzantium. Cambridge, 1979. P. 130; цит. по: Dutu A. Redecouvrir Rome et la seconde Rome. Une démarche historiographique // Roma, Constantinopoli, Mosca. Napoli, 1983. P. 334. Note 62).

²⁴ Ahrweiler H. Constantinople seconde Rome: Le tournant de 1204 // Roma, Constantinopoli, Mosca. Napoli, 1983. P. 307–315.

православных подданных императора «ромеями», их государство виделось им как христианское продолжение Римской империи, а Константинополь понимался как «новый», но не второй Рим, так как речь шла о церковной, а не о государственно-политической преемственности по отношению к городу на Тибре. В этой системе ментальных координат Константинополь есть «подлинный Рим христианских времен — тот, который продолжает быть вечным Римом»²⁵. «Базой и цементом общности ромеев в Средние века» выступает христианство и, оставаясь и в своих собственных, и в чужих глазах «ромеями», византийцы выражали свою идентичность формулой «мы есть христиане». Двойное выражение «ромей-христианин» и было обозначением «человека византийского». Римское право и христианская вера находят органическое воплощение в структуре византийской государственности, и столица этого государства есть одновременно и новый Иерусалим, и новый Рим²⁶. Интерес к Риму, лежащему в западной части бывшей империи, в византийских хрониках угасает²⁷, а само слово «Рим» начинает обозначать не столичный город, а империю в целом. Ее православные подданные есть «римляне», как «римлянином» становится отпущенный на свободу раб, каким бы ни было его этническое происхождение²⁸.

А. Браер констатирует, что вплоть до 1204 г. в византийской православной культуре господствовало более или менее однородное представление о византийцах как ромеях-христианах. Лишь после трагедии Четвертого крестового похода ситуация стала меняться²⁹.

Видимо, все это коррелирует с собственно богословскими установками мышления, которые не предполагали представления о себе как о «теле» в «корпоративном или социологическом смысле». Византийское представление о сообществе христиан как «мистическом теле» оставалось «в пределах христологии и богословия обожествляющей благодати таинств»³⁰.

Плодом такой дискурсивной модели стало то, что вплоть до XIV–XV вв. Византия понималась как «универсальная» империя, «византийский народ» виделся как именно «политический народ» (*Staatsvolk*), и это имело первостепенное значение в политической идеологии империи. Но связью «народа» с «политическим телом» империи дело не ограничивалось. Как и иудеи библейской эпохи, «византийский народ» был провозглашен избранным народом, находящимся под защитой Бога, и эта концепция многократно выступала в официальной и неофициальной византийской литературе³¹.

Но кто составляет «византийский народ»? Как пишет И. Дуйчев, «в Византийской империи, с ее разноэтничным населением, не “национальное” самосознание или

---

²⁵ *Ahrweiler H.* Constantinople seconde Rome... P. 310.

²⁶ *Ahrweiler H.* Constantinople seconde Rome... P. 308.

²⁷ *Ahrweiler H.* Constantinople seconde Rome... P. 309–310.

²⁸ *Ahrweiler H.* Constantinople seconde Rome... P. 310.

²⁹ *Bryer A.* The Late Byzantine Identity. An Abstract // *Byzantium. Identity, Image, Influence.* XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Major Papers. Copenhagen, 1996. P. 49.

³⁰ *Congar Y.* Conscience ecclésiologique en Orient et en Occident du VIe au XIe siècle // *Istina.* Vol. 6. 1959. P. 193.

³¹ См.: *Dujcev I.* La crise idéologique de 1203–1204 et ses repercussions sur la civilisation byzantine. (Cahiers de travaux et de conférences). Paris, 1976. P. 8.

греческий язык, а христианская вера или, лучше сказать, православие, составляло самую прочную базу внутреннего единства. Византийцы смотрели на себя как на “избранный народ Божий” и, прежде всего, как на подлинных “представителей” христианства... И они не уставали повторять... что “избранный народ Божий” это византийский народ»³². При этом очень важно не упустить из виду, что «византийский православный народ» в данных дискурсах — это «ромееи»³³, это никак не «этнические греки», избранные Богом (так же как Израиль — это не «этнические евреи»).

А что же такое — православие, которое делает ромеев-византийцев избранным Богом сообществом, богоизбранной *community*? Воспользуемся словами одного из ведущих византинистов XX в. Г.-Г. Бека. «В Византии православие есть смесь догматических, культурных и политических представлений, в которую трудно проникнуть и именно по этой причине трудно определить; невозможно считать, что православие это только корректное исповедание веры. Нужно спросить, какой нюанс православия, какая политическая, культурная или догматическая проекция призмы находится в фокусе внимания»³⁴.

В целом же, логика ромейской идентичности православных византийцев — это нечто противоположное идентичности отдельных *nationes*, которые выделялись как множественные компоненты христианского пространства и людского универсума в западном, «латинском» мире.

Как византийский опыт смотрится на фоне западнохристианских средневековых культур? Там, в «латинском» мире, эволюция представлений о связи между «народами», Церковью, государствами и империей шла иной дорогой, чем в византийском мире. В западных средневековых источниках присутствует много данных, которые показывают, что все основные представления и дискурсы, постулирующие, что в истории действуют отличные друг от друга по языку, «нравам» и правовым институтам народы (то есть нации, если пользоваться современной терминологией), как христианские, так и языческие, были органично присущи культуре «латинской» Европы.

Уже Исидор Севильский снабдил средневековых авторов соответствующими представлениями. В девятой книге «Этимологий» («*Liber nonus. De linguis, gentibus, regnis, civibus, affinitatibus*») он утверждает, что племена созданы многообразием языков, и отождествляет племя и «нацию»³⁵. Опираясь на эти же кодифицированные Исидором Севильским дефиниции и толкования, средневековые авторы «латинского» мира считают уже само собой разумеющимся, что разные «нации» отличаются друг от друга «происхождением, нравами, языком и законами» («*genere, moribus, lingua, legibus*»).

³² *Dujcev I. La crise idéologique... P. 8–9.*

³³ Об этом очень хорошо написал Г. Г. Литаврин: *Литаврин Г. Г. 1) Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 198–216; 2) Византийцы и славяне — взаимные представления // Литаврин Г. Г. Византия и славяне. Сборник статей. СПб., 1999. С. 590–602.*

³⁴ *Smythe D. C. Byzantine Identity and Labelling Theory // Byzantium. Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Major Papers. Copenhagen, 1996. P. 28. — Д. Смит ссылается на статью Г.-Г. Бека: *Beck H.-G. Formes de non-conformisme à Byzance // Académie Royale de Belgique: Bulletin des la Classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques. Vol. 65. 1979. P. 314.**

³⁵ *Sancti Isidori... Etymologiarum libri XX // Patrologia latina. T. 82. Col. 328, 349.*

Так пишет, например, Регинон Прюмский (умерший в 915 г.)³⁶. В начале XIV в. для Энгельберта Адмонтского было уже естественно писать, что и политические объединения, королевства, отличаются друг от друга потому, что в их основе лежат разные «родины», языки, обычаи и законы, и в идеале каждое королевство должно опираться на один «народ»³⁷. Эти слои и конструкции средневековой западной культуры многократно описаны и проанализированы³⁸.

Как христианские дискурсы взаимодействуют с представлениями об идентичности «наций» в западных, «латинских» культурах Средневековья? Конечно, богословский опыт латинского христианства в Средние века включал очень разнообразные тенденции, но в не-богословских текстах возобладала линия на признание естественной множественности народов, и библейские предания отступали на второй план перед стремлением прославить «свой» народ и его язык³⁹. Тренд к осмыслению истории как «общечеловеческой» уступил место пониманию истории как суммы отдельных «национальных» историй, примиренных так или иначе с «Вавилонской катастрофой»⁴⁰. Тот взгляд, который защищался Иоахимом Флорским и другими монахами-аскетами и постулировал абсолютную ценность будущего «наднационального» единства людей, становился нехарактерным. Франциск Ассизский, например, восхищался именно таким миром, в котором существует множество разных народов и языков.

Суммируя, можно заключить вместе с А. Борстом, что уже в Средние века для каждого народа нашли и предков-родоначальников, и особый язык, так что «постепенно под латинской крышей народы Европы превратились в нации и государства»⁴¹.

Эпоха универсалистского взгляда на человечество подошла к концу, по авторитетному мнению А. Борста, уже в начале XIV в.⁴² Во второй половине XIV в. повсюду виден поиск «национального» самоутверждения, утверждение и защита «своего», идеал многоязычия и латыни как единого для всех христиан языка⁴³. Идея «божьего народа»

³⁶ Reynolds S. Medieval «origines gentium» and the community of the realm // History. Vol. 68. № 224 (1983). P. 383–384. — Статья С. Рейнольдс переиздана в хрестоматии: Nationalism. Critical Concepts in Political Science. Vol. 2 / Ed. by J. Hutchinson and A. D. Smith. London; New York, 2001.

³⁷ Reynolds S. Medieval «origines gentium»... P. 388.

³⁸ Одна из самых убедительных работ на эту тему — книга польского историка Б. Зентары (*Zientara B. Świt narodów europejskich. Powstanie świadomości narodowej na obszarze Europy rokarolińskiej*. Warszawa, 1985). Книга переведена на немецкий язык, результаты исследования суммированы в статье на французском языке: *Zientara B. La conscience nationale en Europe Occidentale au Moyen Âge. Naissance et mécanismes du phénomène* // Acta Poloniae Historica. Т. 46 (1982). P. 5–30. — Классический труд в этой области — упомянутая выше многотомная книга А. Борста (*Borst A. Die Turmbau von Babel...* Bd 1–6. Stuttgart, 1957–1961). См. также: *Eichenberger T. Patria. Studien zur Bedeutung des Wortes im Mittelalter (VI–XII Jahrhundert)*. Sigmaringen, 1991; *Nation et nations au Moyen Age*. XLIVe Congrès de la SHMESP. Prague, 23–26 mai 2013. Paris, 2014; Этнос и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. СПб., 2015.

³⁹ *Borst A. Die Turmbau von Babel*. Bd 1. S. 729.

⁴⁰ *Borst A. Die Turmbau von Babel*. Bd 1. S. 729–730.

⁴¹ *Borst A. Die Turmbau von Babel*. Bd 1. S. 822.

⁴² *Borst A. Die Turmbau von Babel*. Bd 1. S. 823.

⁴³ *Borst A. Die Turmbau von Babel*. Bd 1. S. 920.

постепенно разрушилась⁴⁴. Поздняя схоластика отбросила старые универсалистские схемы и «стала рассматривать языки и народы как лишь естественно-природную данность»⁴⁵, и Данте был в этом отношении исключением, подтверждающим как раз общее правило. Общее «мистическое тело» церкви стало сосуществовать с обособленными, индивидуальными «телами» отдельных государств и наций.

Известное классическое исследование Э. Канторовича⁴⁶ показало, как эти процессы шли, например, во французской средневековой культуре. Важно увидеть, как именно концепт «мистического тела» стал прилагаться в христианской мысли к тому или иному светскому государству, а потом и к стоящей за государством «нации». Первоначально, конечно, понятие «мистическое тело» имело сугубо евхаристический смысл, но с середины XII в. стало постепенно применяться к церкви как институту, приобретая характер законченной формулы (*unum corpus mysticum cuius caput Christus*) в булле «Unam Sanctam» Бонифация VIII. Все это происходит, как подчеркнул Канторович, тогда, когда, во-первых, папство и Церковь утвердились не только как религиозный, но и как светский институт, как автономная полития среди других политий; во-вторых, распространились органологические и корпоративистские представления о государстве, в духе отождествления Иоанном Солсберийским государства и *res publica* с человеческим телом. К этому добавились приобретенные фундаментальное значение представления о *persona ficta* как сообществе индивидов или институте, обособленном от других сообществ и институтов. Понятия, относящиеся к церкви, стали переноситься на государство и наоборот, так что самый концепт Церкви наполнился юридическим и светски-корпоративистским значением, а государство стало восприниматься едва ли не религиозно как «мистическое тело»⁴⁷.

Юристы писали о *corpus reipublicae mysticum* или о таких *corpora mystica* как деревенская община, городская корпорация, провинция, государство и человеческая ойкумена. В связи с этим и *populus* предстал уже не как коллектив, состоящий из отдельных индивидов, а как *hominum collectio in unum corpus mysticum*, и таковым могли выступать и само государство, и составляющие его подданные. Годфруа де Фонтен в конце XIII в. уже писал, что «Chacun fait par nature partie d'une communauté sociale, de telle sorte qu'il est aussi un membre d'un corps mystique», и этим «телом» может оказаться и корпорация, и городская община, и «народ», и «нация»⁴⁸.

В ряду других логических построений формула *pro patria mori* приобрела религиозно-сакральный и именно «христианизированный» смысл, *patria* и *natio* выступают уже как едва ли не синонимы, а *amor patriae* видится как христианская и именно религиозная *caritas*. Один из авторов оставил формулу «*Amor patriae in radice charitatis fundatur*», поставив в своих рассуждениях родину и семью в один ряд, в то время как другие

⁴⁴ Borst A. Die Turmbau von Babel. Bd 1. S. 922.

⁴⁵ Borst A. Die Turmbau von Babel. Bd 1. S. 920.

⁴⁶ Kantorowicz E. Mourir pour la patrie (Pro Patria Mori) dans la pensée politique médiévale // Kantorowicz E. Mourir pour la patrie et les autres textes. Paris, 1984. P. 105–141; Kantorowicz E. H. Pro Patria Mori in Medieval Political Thought // American Historical Review. 1951. Vol. 56. P. 472–492). — См. также: Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2014. С. 333–378 (раздел «Pro patria mori»).

⁴⁷ Kantorowicz E. Mourir pour la patrie... P. 131.

⁴⁸ Kantorowicz E. Mourir pour la patrie... P. 131.

авторы, говоря о христианских добродетелях, начали ставить преданность родине выше, чем преданность семье, помещая ее сразу за преданностью самому Господу. Некоторые же шли еще дальше, утверждая, что смерть за родину подобна смерти Спасителя во имя искупления всего человечества. Следующий шаг уже требовал, чтобы человеческая жизнь в случае необходимости приносилась бы в жертву *ad usum publicum*, потому и глава мистического тела того или иного государства, король, готов принести себя в жертву *ad usum publicum*... В этом случае государство выступает как аналог церкви, король — как аналог папы, и параллелизм между религиозным и светским мистическим телом достигает здесь своей кульминации. «Начиная от этого крайнего пункта, историку будет легко проследить путь, который приведет в конце концов к до-модерному, модерному и ультра-модерному государственничеству»; погибель во имя государства приобрела тут «ту же ценность, что и погибель крестоносца во имя дела Божьего»⁴⁹.

Продолжая ту же линию анализа, можно было бы обратиться к опыту других стран «латинского» мира, и, судя по результатам многочисленных исследований, результат был бы схожим: средневековые хроники и другие тексты, формировавшие средневековую «национальную» память в западнохристианских культурах, исходят из того, что дискурсы христианской идентичности никак не «стирают» племенную идентичность соответствующих *nationes*. Это видно, например, из французского материала, который показывает, что для средневековых источников характерны представления об истории Франции и ее населении как истории сообществ, наделенных особой, именно Франции и французам присущей культурной идентичностью, и христианство никак эту идентичность под вопрос не ставит.

Вряд ли ошибается К. Бон, когда пишет, что во Франции, начиная с XV в., «национальное чувство стало вполне осознанным. Нация, наконец, обрела свое лицо. Она видится матерью, ради которой все французы должны пожертвовать жизнью, коли необходимо. Национальная идеология приобрела связность и внутреннее единство»⁵⁰. При этом, в отличие от других французских историков, К. Бон не ставит под сомнение, что это «национальное чувство», конструируемое в истории Франции от поколения к поколению, было и этническим⁵¹. Она констатирует, что «Франция — это, во-первых, сообщество французов, которые жили прежде, живут теперь и рождаются в будущем. Хотя и разделенная на три сословия... она включает всех и каждого. В категориях Средневековья нация это “раса”⁵². Этим объясняется витальность троянского мифа. Единство крови объясняет общие врожденные черты населения, воинские достоинства и чистоту веры»⁵³.

Такие представления, вполне укоренившись уже к концу Средневековья, в XVI в., особенно в эпоху религиозных войн, превращаются в широко укорененный в общественном сознании дискурс «французского национального чувства»⁵⁴. Позднее же, во Франции

---

⁴⁹ Kantorowicz E. Mourir pour la patrie... P. 139.

⁵⁰ Beaune C. Naissance de la nation France. Paris, 1985. P. 459–460.

⁵¹ Beaune C. Naissance de la nation France. P. 455.

⁵² В стихии французского языка «этнос» понимается как «расовое» явление.

⁵³ Beaune C. Naissance de la nation France. P. 455.

⁵⁴ См., в частности: Yardeni M. 1) La conscience nationale en France pendant les guerres de religion (1559–1598). Paris; Louvain, 1971; 2) Enquêtes sur l'identité de la «nation France». De la Renaissance aux Lumières. Seyssel, 2004.

XVII–XVIII вв., католицизм не только не препятствовал развитию «французского национального чувства» и французского раннего национализма, но и вносил большой вклад в их формирование. После катастрофы религиозных войн, в XVII в., в эпоху восстановления почти абсолютного господства католицизма в общественной жизни, по мнению Д. Бэлла, сакрализация концепта «родина» усиливала влияние католической церкви, потому что французы почитали земную родину в такой манере, какую невозможно не назвать «католической»⁵⁵.

Родина становилась светским эквивалентом «мистического тела Церкви» для все большего числа людей⁵⁶, а в XVIII же веке идея преданности родине стала заступать на место идеи преданности религии; рождавшийся французский национализм рождался одновременно и изнутри христианской системы верований, и в антиклерикальной оппозиции к ней⁵⁷. Как именно? Перестав смотреть на себя как на часть иерархии, соединявшей небеса и землю через институт церкви и богоустановленную монархию, французы фактически перенесли идею и логику церковного сообщества на нацию как «обособленное, униформизированное и суверенное сообщество равных между собой членов»⁵⁸. В целом, по заключению Д. Бэлла, ранний французский национализм оставался «под мощным воздействием христианской традиции», так что не нация выражала себя в церковной принадлежности, но религия — в нации⁵⁹.

***

Как мы видим, есть очень много весомых оснований, чтобы выводить генеалогическую траекторию западных национальных идеологий из особенностей «латинской» средневековой богословско-интеллектуальной культуры, установки которой в той области, которая нами относится к «этническому», были локально-специфическими, а не «общехристианскими». Локально-специфическим был и созданный в Византии сценарий развития дискурсов «протонационального», в которых субъектами христианской истории (то есть истории тех, кто принял крещение) оказывались не множественные *nationes*, а «новые люди», ставшие единым «народом Божиим».

Этот дискурсивный сценарий был выражен «Повестью временных лет»; позднее тот же сценарий, как кажется, осуществлялся в других текстах русского Средневековья, приведя к культуре Московского государства, которой «этническое» определение «русскости» оказалось чуждым. Судя по всему, та же тенденция присутствовала — то угасая, то снова выходя на поверхность — в представлениях и книжников, и широких кругов православного населения украинско-белорусских земель.

Подводя же общий итог, мы прежде всего подчеркнем, что настоящая статья никак не предполагает ни строгих, ни, тем более, окончательных суждений о том, как именно византийско-христианская богословская традиция взаимодействовала с зарождением и эволюцией дискурсов этнической или этно-национальной идентичности Руси.

---

⁵⁵ Bell D. A. *The Cult of the Nation in France. Inventing Nationalism, 1680–1800*. Harvard, 2001. P. 43.

⁵⁶ Bell D. A. *The Cult of the Nation in France*. P. 38.

⁵⁷ Bell D. A. *The Cult of the Nation in France*. P. 7.

⁵⁸ Bell D. A. *The Cult of the Nation in France*. P. 7–8.

⁵⁹ Bell D. A. *The Cult of the Nation in France*. P. 8.

Тем не менее, в источниках и в накопленных в науке знаниях о богословско-экзегетических христианских традициях обнаруживаются основания для тезиса: в богословском мышлении византийско-православного типа присутствовали представления и конструкции, которые препятствовали складыванию таких подходов к пониманию и артикуляции идентичности включенных в Церковь сообществ христиан, которые видели бы в этих церковных сообществах Руси этносы или «нации» (*nationes*).

Сделать более определенный вывод не позволяют многочисленные лакуны в наших знаниях. Пока не прочитаны должным образом и в должном объеме тексты киевской и удельной эпохи и тексты Московской Руси. Еще больше лакун в изучении текстов украинско-белорусской православной культуры XIV–XVII вв. Это касается едва ли не в первую очередь пришедших на Русь текстов патристики, агиографии, гомилетики, богослужения. Даже такой лежащий на поверхности материал, как отличия текстов славянской Библии от текстов Вульгаты⁶⁰, пока никак не взят во внимание соответствующими исследованиями.

Мы по-прежнему недостаточно полно знакомы и с тем, как именно артикулировались в общественном сознании и верхов, и низов украинско-белорусского (западнорусского) или великорусского общества представления о «соединении» или взаимодействии «православности» с дискурсами национальной идентичности и вообще с идеями и дискурсами обособления *nationes* внутри общечеловеческого рода. Был ли «византинизированный» строй богословского мышления характерен для широких кругов духовенства? Проникал ли он в широкие же круги прихожан? Был ли он «препоной» при формировании «национального» самосознания на Руси? Оставил ли следы в XVIII–XXI вв. в культуре тех, кого мы сегодня называем русскими, украинцами и белорусами? Нужно надеяться, что эти большие вопросы станут наконец предметом внимательного изучения.

Информация о статье

Автор: Дмитриев, Михаил Владимирович — доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Высшая школа экономики, Москва, Россия, Гос ID 0000-0002-4101-8755, e-mail: dmitrievm300@gmail.com

Заголовок: *Confessio vs natio*. Византийская богословская традиция как препона в формировании дискурсов этнонациональной идентичности средневековой Руси

Резюме: В статье предпринимается попытка верифицировать некоторые аспекты исследовательской гипотезы, которая предполагает, что в нормативных установках византийско-православного богословского мышления (в идеологиях, ментальностях, дискурсах) присутствовали традиции и конструкции, вступающие в конфликт с тенденцией видеть в тех, кого мы привыкли называть «русскими» или «русинами», сообщества этнического ряда. В средневековой православной культуре Восточной Европы христианская идентичность включенных в Церковь сообществ верующих людей становилась препоной в формировании дискурсов, которые допускали бы, что церковное сообщество может распасться на этносы или «нации» (*nationes*). Рассмотрены данные древнерусских текстов, культуры Московской Руси, православных сочинений украинско-белорусских земель начала XVII в., которые показывают, что очень часто (хотя и не всегда) религиозно-богословские представления этих дискурсов входили в противоречие с тенденцией переносить нормы племенной идентичности на христианские сообщества. Это приводило, в частности, к тому, что «русскому» не придавалось «этнического» смысла. Такая ситуация отличалась от того, как отношение христианского и племенного понималось в средневековой богословской культуре латинского Запада. Поиски объяснения уводят в область византийской богословской традиции, в которой христианская и этническая идентичность понимаются как два конфликтующих

---

⁶⁰ Первый зондаж в этой области сделан в статье: Дмитриев М. В. «Русский народ» или «люди Божии»? С. 300–303.

дискурса. Православность подданных императоров как бы «стирала» следы племенной (этнической) принадлежности. Субъектами христианской истории (то есть истории тех, кто принял крещение) в этих дискурсах оказывались не множественные *nationes*, а «новые люди», ставшие единым «народом Божиим». На Руси эта дискурсивная логика была выражена «Повестью временных лет»; позднее тот же сценарий, как кажется, осуществлялся в других текстах русского Средневековья, приведя к культуре Московского государства, которой «этническое» определение «русскости» оказалось чуждым. Судя по всему, та же тенденция присутствовала — то угасая, то снова выходя на поверхность — в представлениях и книжников, и широких кругов православного населения украинско-белорусских земель.

Ключевые слова: византийское богословие, конфессиональное, христианство, этническое, древнерусское, украинско-белорусское, рутенское, история культуры, Византия, исследования средневековья

Литература, использованная в статье

Бушковиц, Пол. Православная церковь и русское национальное самосознание XVI–XVII вв. // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 101–117.

Гралья, Хиероним. Была ли «Святая Русь» «местом памяти» руси Речи Посполитой? // «Места памяти» руси конца XV – середины XVIII в. / Отв. сост., отв. ред. серии Доронин, Андрей Владимирович. Москва: РОССПЭН, 2019. С. 260–291. (= *Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени*).

Дагрон, Жильбер. Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме» / Пер. и науч. ред. Мусина, Александра Евгеньевича; Под общ. ред. Медведова, Игоря Павловича. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010. 480 с.

Думриеу, Михаил Владимирович. «Русский народ» или «люди Божии»? Об особенностях протонациональных дискурсов в культуре Московской Руси // *Polystoria*. Бог, Рим, народ в средневековой Европе / Отв. ред. Бойцов, Михаил Анатольевич; Воскобойников, Олег Сергеевич. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 256–304.

Думриеу, Михаил Владимирович. Конфессиональный фактор в формировании представлений о «русском» в культуре Московской Руси // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время / Под ред. Дмитриева, Михаила Владимировича. Москва: Индрик, 2008. С. 218–240.

Думриеу, Михаил Владимирович. Православное и «русское» в представлениях о «русском народе» Речи Посполитой (конец XVI – середина XVII вв.) // *Древняя Русь после Древней Руси: Дискурс восточнославянского (не)единства* / Отв. сост. Доронин, Андрей Владимирович. Москва: Политическая энциклопедия, 2017. (= *Post-Древняя Русь: У истоков наций Нового времени*. 1). С. 193–214.

Думриеу, Михаил Владимирович. «Народ благочестия русского»: О конфессиональном и этническом в представлениях о «русском народе» Речи Посполитой // «Вертоград многоцветный»: Сборник статей к 80-летию Бориса Николаевича Флори. Москва: Индрик, 2018. С. 453–463.

Думриеу, Михаил Владимирович; Шпирт, Андрей Михайлович. Идентичность Руси и «русси» в письменных памятниках украинско-белорусской православной культуры XV–XVII вв.: Историографические заметки // *Нарративы руси конца XV – середины XVIII вв.: В поисках своей истории* / Отв. сост. Доронин, Андрей Владимирович. Москва: РОССПЭН, 2017. (= *Post-Древняя Русь: У истоков наций Нового времени*. 2). С. 332–383.

Добровольский, Дмитрий Анатольевич. Якоже и прародители наши погынуша: К вопросу об этническом самосознании древнерусских летописцев XI – начала XII в. // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета*. 2010. № 7. С. 83–95.

Добровольский, Дмитрий Анатольевич. Начальная летопись как источник по истории коллективного самосознания Древней Руси // *Диалог со временем*. 2009. № 27. С. 43–61.

Ерусалимский, Константин Юрьевич. На службе короля и Речи Посполитой. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. 1012 с.

Ерусалимский, Константин Юрьевич. Понятия «народ», «Россия», «Русская земля» и социальные дискурсы Московской Руси конца XV – XVII вв. // *Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время* / Под ред. Дмитриева, Михаила Владимировича. Москва: Индрик, 2008. С. 137–179.

Ерусалимский, Константин Юрьевич. *Natione Moschus*: Идентичность выходцев из Московского государства в Речи Посполитой XVI – начала XVII в. // *Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История / Studia classica et mediaevalia»*. Москва, 2011. № 14 (76)/11. С. 326–352.

Канторович, Эрнст. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2014. 744 с.

- Лаушкин, Алексей Владимирович.* К вопросу о развитии этнического самосознания древнерусской народности («хрестеяни» и «хрестьяньскыи») в памятниках летописания XI–XIII вв. // Средневековая Русь: Вопросы медиевистики. Москва, 2006. Вып. 6. С. 29–65.
- Лаушкин, Алексей Владимирович.* Русь и соседи: История этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2019. 304 с.
- Литаврин, Геннадий Григорьевич.* Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Москва: Наука, 1976. С. 198–216.
- Литаврин, Геннадий Григорьевич.* Византийцы и славяне — взаимные представления // Литаврин, Геннадий Григорьевич. Византия и славяне: Сборник статей. Санкт-Петербург: Алетейя, 1999. С. 590–602.
- Неменский, Олег Борисович.* Об этноконфессиональном самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии // Между Москвой, Варшавой и Киевом: Сборник статей / Под ред. Неменского, Олега Борисовича. Москва, 2008. С. 105–113.
- Петрухин, Владимир Яковлевич.* Древняя Русь: Этнический аспект становления и развития государственности // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / Отв. ред. Красовицкая, Тамара Юсуфовна; Тишков, Валерий Александрович. Москва: Новый хронограф, 2012. С. 9–59.
- Стефанович, Петр Сергеевич.* Идентичность руси в «имперско-эсхатологической» перспективе составителя «Начального свода» // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. Москва, 2018. С. 48–64.
- Стефанович, Петр Сергеевич.* К вопросу о понятии русь в древнейшем летописании // Slověne. 2018. Vol. 7. № 2. С. 356–382.
- Стефанович, Петр Сергеевич.* Новые подходы к этничности в медиевистике: Взгляд из «древнерусской перспективы» // Историческая память и российская идентичность / Под ред. Тишкова, Валерия Александровича; Пивневой, Елены Анатольевны. Москва: Российская академия наук, 2018. С. 467–486.
- Стефанович, Петр Сергеевич.* Русь протопопа Аввакума: От «нового Израиля» к «духовному братству» // Религия и русь, XV–XVIII вв. / Отв. сост. Доронин, Андрей Владимирович. Москва: Политическая энциклопедия, 2020. С. 369–389. (Post-Древняя Русь: У истоков наций Нового времени. 4).
- Ткачук, Виталий Анатольевич.* «Русская вера» кон. XVI – первой пол. XVII в. // Религия и русь, XV–XVIII вв. / Отв. сост. Доронин, Андрей Владимирович. Москва: Политическая энциклопедия, 2020. С. 291–311. (Post-Древняя Русь: У истоков наций Нового времени. 4).
- Флоря, Борис Николаевич.* Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами унии в «массовом сознании» простого населения Украины и Белоруссии в первой половине XVII в. // Дмитриев, Михаил Владимирович; Заборовский, Лев Валентинович; Турилов, Анатолий Аркадьевич; Флоря, Борис Николаевич. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Москва, 1996. Ч. 2. С. 151–174.
- Флоря, Борис Николаевич.* Національно-конфесійна свідомість населення Східної України в першій половині XVII століття // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви у XVII столітті: Матеріали Четвертих «Берестейських читань», Львів, Луцьк, Київ, 2–6 жовтня 1995 р. / За ред. о. Бориса Гудзяка, співред. Олега Турія. Львів, 1997. С. 125–147 (вместе с дискуссией по докладу).
- Ahrweiler, Hélène.* Constantinople seconde Rome: Le tournant de 1204 // Roma, Constantinopoli, Mosca. (Dalla Roma alla Terza Roma. Documenti e studi. Studi. I). Napoli, 1983. P. 307–315.
- Ahrweiler, Hélène.* L'idéologie politique de l'empire byzantin. Paris: PUF, 1975. 158 p.
- Angelov, Dimitar.* Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 453 p.
- Auerbach, Inge.* Identity in Exile: Andrei Mikhailovich Kurbskij and National Consciousness in the 16th Century // Московская Русь (1359–1584): Культура и историческое самосознание / Ред. Клеймола, Анн М.; Ленхофф, Гэйл. Москва: ИЦ-Гарант, 1997. P. 11–25.
- Beaune, Colette.* Naissance de la nation France. Paris: Gallimard, 1985. 431 p.
- Beck, Hans-Georg.* Formes de non-conformisme à Byzance // Académie Royale de Belgique: Bulletin des la Classe des Lettres et des Sciences Morales et Poitiques. Vol. 65. 1979. P. 313–329.
- Bell, David A.* The Cult of the Nation in France. Inventing Nationalism, 1680–1800. Harvard: Harvard University Press, 2001. 320 p.
- Borst, Arno.* Die Turmbau von Babel. Geschichte der Meinungen über Ursprung und Vielfalt der Sprachen und Völker. Bd 1. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1957. 535 s.

- Bryer, Anthony.* The Late Byzantine Identity. An Abstract // Byzantium. Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Major Papers / Ed. by Fledelius, Karsten. Copenhagen, 1996. Pp. 49–50.
- Bushkovitch, Paul.* The Formation of a National Consciousness in Early Modern Russia // Harvard Ukrainian Studies. 1986. Vol. X. № 3–4. P. 355–376.
- Bushkovitch, Paul.* What Is Russia? Russian National Identity and the State, 1500–1917 // Culture, Nation, and Identity. The Ukrainian-Russian Encounter (1600–1945) / Ed. by Kappeler, Andreas; Kohut, Zenon E.; Sysyn, Frank E.; Hagen, Mark von. Edmonton; Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2003. P. 144–161.
- Congar, Yves.* Conscience ecclésiologique en Orient et en Occident du VIe au XIe siècle // Istina. Vol. 6. 1959. P. 187–236.
- Dagron, Gilbert.* Empereur et prêtre. Étude sur le «césaropapisme» byzantin. Paris: Gallimard, 1996. (Bibliothèques des histoires). 435 p.
- Dagron, Gilbert.* Orient-Occident: Césaropapisme et théorie de deux pouvoirs face à la modernité // Revue d'éthique et de théologie morale «Le Supplément». 2003. № 226. Septembre. P. 143–157.
- Dmitriev, Mikhail.* Le confessionnel et l'«ethnique» dans la construction des discours proto-nationaux en Russie Moscovite aux XVIe – XVIIe siècles // Istina. 2005. P. 137–162.
- Dmitriev, Mikhail.* La «Sainte Russie» et la chrétienté // La chrétienté dans l'histoire. Une notion mouvante / Textes réunis par Lemaitre, Nicole; préface de Capelle-Dumont, Philippe; postface de Armogathe, Jean-Robert. Paris: Editions Parole et Silence / Collège des Bernardins, 2014. P. 105–127.
- Dujcev, Ivan.* La crise idéologique de 1203–1204 et ses repercussions sur la civilisation byzantine. (Cahiers de travaux et de conférences). Paris: J. Maisonneuve, 1976. 68 p.
- Dutu, Alexandru.* Redecouvrir Rome et la seconde Rome. Une demarche historiographique // Roma, Constantinopoli, Mosca. Napoli: Edizione scientifica Italiana, 1983. (Dalla Roma alla Terza Roma. Documenti e studi. Studi. I). P. 325–335.
- Eichenberger, Thomas.* Patria. Studien zur Bedeutung des Wortes im Mittelalter (VI–XII Jahrhundert). Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1991. 287 s.
- Erusalimsky, Konstantin.* The Notion of People in Medieval and Early-Modern Russia // Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne. 2011. Vol. 3/2. P. 9–34.
- Eshel, Shay.* The concept of the Elect Nation in Byzantium. Leiden; Boston: Brill, 2018. 224 p.
- Ivánka, Endre von.* Rhomäerreich und Gottesvolk. Das Glaubens-, Staats- und Volksbewusstsein der Byzantiner und seine Auswirkung auf die ostkirchliche-osteuropäische Geisteshaltung. Freiburg; München: Karl Alber, 1968. 167 s.
- Kaldellis, Anthony.* Hellenism in Byzantium: The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition (Greek Culture in the Roman World). Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 468 p.
- Kantorowicz, Ernst.* Mourir pour la patrie (Pro Patria Mori) dans la pensée politique médiévale // Kantorowicz, Ernst. Mourir pour la patrie et les autres textes. Paris: PUF, 1984. P. 105–141.
- Kantorowicz, Ernst Hartwig.* Pro Patria Mori in Medieval Political Thought // American Historical Review. 1951. Vol. 56. P. 472–492.
- Koder, Johannes.* Byzantinische Identität — einleitende Bemerkungen // Byzantium. Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. 18–24 August, 1996. Major papers / Ed. by Fledelius, Karsten. Copenhagen, 1996. S. 3–6.
- Kohut, Zenon E.* A Dynastic or Ethno-Dynastic Tsardom? Two Early Modern Concepts of Russia // Extending the Borders of Russian History. Essays in Honor of A. J. Rieber / Ed. by Siefert, Marsha. Budapest; New York, 2003. P. 17–30.
- Malamut, Elizabeth.* De l'empire des Romains à la nation des Hellènes. Evolution de l'identité des Byzantins de fin du XIe au XVIe siècle // Nation et nations au Moyen Age. XLIVe congrès de la SHMESP. Prague, 23–26 mai 2013. Paris, 2014. P. 165–179.
- Nicol, Donald.* Church and Society in the last centuries of Byzantium. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 162 p.
- Page, Gill.* Being Byzantine: Greek Identity before the Ottomans. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 344 p.
- Podskalsky, Gerhard.* Byzantinische Reicheschatologie. Die Periodisierung der Weltgeschichte in den vier Grossreichen (Daniel 2 und 7) und dem Tausendjährigen Friedensreiche (Apokl 20). Eine

Motivgeschichtliche Untersuchung. München: Wilhelm Fink, 1972. (Münchener Universitäts-Schriften. Reihe des Philosophischen Fakultät, 9). 114 s.

Reynolds, Susan. Medieval «origines gentium» and the community of the realm // History. 1983. Vol. 68. № 224. P. 383–384.

Smythe, Dion Clive. Byzantine Identity and Labelling Theory // Byzantium. Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Major Papers / Ed. by Fledelius, Karsten. Copenhagen, 1996. P. 26–36.

Yardeni, Myriam. La conscience nationale en France pendant les guerres de religion (1559–1598). Paris; Louvain: Nauwelaerts, 1971. 392 p.

Yardeni, Myriam. Enquêtes sur l'identité de la «nation France». De la Renaissance aux Lumières. Seyssel: Champ Vallon, 2004. 379 p.

Zientara, Benedykt. La conscience nationale en Europe Occidentale au Moyen Âge. Naissance et mécanismes du phénomène // Acta Poloniae Historica. 1982. T. 46. P. 5–30.

Zientara, Benedykt. Świt narodów europejskich. Powstawanie świadomości narodowej na obszarze Europy pokarolińskiej. Warszawa: PIW, 1985. 434 s.

Information about the article

Author: Dmitriev, Mikhail Vladimirovich — Dr. Sc., professor, Moscow Lomonosov State University; Higher School of Economics, Moscow, Russia, OrcID 0000-0002-4101-8755, e-mail: dmitrievm300@gmail.com

Title: *Confessio vs natio*. Byzantine theological tradition as hindrance in formation of ethnic and national identity discourses in medieval Rus'

Summary: This article attempts to verify some aspects of the research hypothesis which implies that normative orientations of the Byzantine orthodox theological thought (in ideologies, mentalities, discourses) contained traditions and constructions that were in odds with tendency to see communities of ethnic type in people whom we used to qualify as Russians and Ruthenians. In the East European Orthodox medieval Christian identity of groups included in the Church was thought of as a hindrance in forming discourses, which would claim that the Church community could be fragmented into ethnic and «national» groups (*nationes*). Old Russian texts, and texts of Muscovy, as well as writings of some Orthodox authors in Ruthenia (Ukraine and Belarus') of the early 17th century have been taken in account. In these sources, very often, theological discourses were entering in conflict with tendency to transfer norms of ethnic (tribal) identity on the Christian communities. This generated a situation when «Russianness» was not perceived in ethnic terms, and in this respect relationships between Christian and «ethnic» were understood in a very different way, than in the theological culture of medieval West. Search for an explanation leads to the area of the Byzantine theological tradition, in which Christian and ethnic identities were regarded as two conflicting discourses. The Orthodox identity of emperor's subjects was understood as «effacing» traces of tribal (ethnic) belonging. For subjects of Christian history (*id est* history of those, who got baptized) were regarded not the multiple *nationes*, but «new people» who became a united «nation of God». In medieval Rus, this discursive ligic was expressed by «Tale of the bygone years»; the same discursive «scenario» seems to be implemented in other texts of Russian Middle Ages, and this lead to Orthodox culture of Muscovy, which repelled the ethnic definition of «Russianness». It is very likely, that the same tendency was alive — disappearing and reappearing — in the worldview of *literati* and broader circles of the Orthodox population of Ruthenian lands.

Keywords: Byzantine theology, confession, Christianity, ethnicity, old-Russian, Ukrainian-Belorussian, Ruthenian, cultural studies, medieval studies

References

Ahrweiler, Hélène. Constantinople seconde Rome: Le tournant de 1204 [Constantinople as second Rome: the 1204 turning point], in *Roma, Constantinopoli, Mosca*. Naples, 1983. (Dalla Roma alla Terza Roma. Documenti e studi. Studi. I). Pp. 307–315. (in French).

Ahrweiler, Hélène. *L'idéologie politique de l'empire byzantin [Political ideology of the Byzantine Empire]*. Paris: PUF Publ., 1975. 158 p. (in French).

Angelov, Dimiter. *Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 453 p.

Auerbach, Inge. Identity in Exile: Andrei Mikhailovich Kurbskij and National Consciousness in the 16th Century, in Kleimola, Ann M.; Lenhoff, Gail (eds). *Moskovskaya Rus' (1359–1584): Kul'tura i istoricheskoe samo-soznanie*. Moscow: ITS-Garant Publ., 1997. Pp. 11–25.

- Beaune, Colette. *Naissance de la nation France [Birth of the nation France]*. Paris: Gallimard Publ., 1985. 431 p. (in French).
- Beck, Hans-Georg. Formes de non-conformisme à Byzance [Forms of non-conformism in Byzantium], in *Académie Royale de Belgique: Bulletin des la Classe des Lettres et des Sciences Morales et Poitiques*. 1979. Vol. 65. Pp. 313–329. (in French).
- Bell, David A. *The Cult of the Nation in France. Inventing Nationalism, 1680–1800*. Harvard: Harvard University Press, 2001. 320 p.
- Borst, Arno. *Die Turmbau von Babel. Geschichte der Meinungen über Ursprung und Vielfalt der Sprachen und Völker [Constructing the Babel Tower. A history of ideas about genesis and multiplicity of languages and peoples]*. Bd 1. Stuttgart: A. Hiersemann, 1957. 535 S. (in German).
- Bryer, Anthony. The Late Byzantine Identity. An Abstract, in Fledelius, Karsten (ed.). *Byzantium. Identity, Image, Influence*. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Major Papers. Copenhagen, 1996. Pp. 49–50.
- Bushkovitch, Paul. Pravoslavnaya tserkov' i russkoe natsional'noe samosoznanie XVI–XVII vv. [The Orthodox Church and the Russian national self-consciousness in the XVIth – XVIIth centuries], in *Ab Imperio*. 2003. No. 3. Pp. 101–117. (in Russian).
- Bushkovitch, Paul. The Formation of a National Consciousness in Early Modern Russia, in *Harvard Ukrainian Studies*. 1986. Vol. X. No. 3–4. Pp. 355–376.
- Bushkovitch, Paul. What is Russia? Russian National Identity and the State, 1500–1917, in Kappeler, Andreas; Kohut, Zenon E.; Sysyn, Frank E.; Hagen, Mark von. (eds). *Culture, Nation, and Identity. The Ukrainian-Russian Encounter (1600–1945)*. Edmonton; Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2003. Pp. 144–161.
- Congar, Yves. Conscience ecclésiologique en Orient et en Occident du VIe au XIe siècle [Ecclesiastical self-consciousness in the East and in the West, VIth through XIth centuries], in *Istina*. 1959. Vol. 6. Pp. 187–236. (in French).
- Dagron, Gilbert. *Empereur et prêtre. Étude sur le «césaropapisme» byzantin [Emperor and priest. Essay on the Byzantine «ceasaropapism»]*. Paris: Gallimard Publ., 1996. (Bibliothèques des histoires). 435 p. (in French).
- Dagron, Gilbert. *Imperator i svyashchennik. Etyud o vizantiyskom «tsezarepapizme» [Emperor and priest. Essay on the Byzantine «ceasaropapism»]*. Ed. by Musin, Aleksandr Evgenyevich; Medvedev, Igor Pavlovich. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2010. 480 p. (in Russian).
- Dagron, Gilbert. Orient-Occident: Césaropapisme et théorie de deux pouvoirs face a la modernité [East-West: «Ceasaropapism» and theory of two powers in face of modernity], in *Revue d'éthique et de théologie morale «Le Supplément»*. 2003. No. 226. Septembre. Pp. 143–157. (in French).
- Dmitriev, Mikhail Vladimirovich. Konfessional'nyy faktor v formirovanii predstavleniy o «russkom» v kul'ture Moskovskoy Rusi [Confessional factors in formation of representations on “the Russian” in culture of Muscovy], in Dmitriev, Mikhail Vladimirovich (ed.). *Religioznye i etnicheskie traditsii v formirovanii natsional'nykh identichnostey v Evrope. Srednie veka – Novoe vremya*. Moscow: Indrik Publ., 2008. Pp. 218–240. (in Russian).
- Dmitriev, Mikhail Vladimirovich. Le confessionnel et l'«ethnique» dans la construction des discours proto-nationaux en Russie Moscovite aux XVIe – XVIIe siècles [Confessional and “ethnic” in the construction of proto-national discourses in Muscovy, XVIth through XVIIth centuries], in *Istina*. 2005. Pp. 137–162. (in French).
- Dmitriev, Mikhail Vladimirovich. La «Sainte Russie» et la chrétienté [“Holy Russa” and Christianity], in Lemaitre, Nicole; Capelle-Dumont, Philippe; Armogathe, Jean-Robert (eds). *La chrétienté dans l'histoire. Une notion mouvante*. Paris: Editions Parole et Silence / Collège des Bernardins Publ., 2014. Pp. 105–127. (in French).
- Dmitriev, Mikhail Vladimirovich. «Narod blagochestiya ruskogo»: O konfessional'nom i etnicheskom v predstavleniyakh o «russkom narode» Rechi Pospolitoy [“People of Ruthenian piety”: on confessional and ethnic in representations of the “Ruthenian people” of the Rzechpospolita], in *Vertograd mnogotsvetniy*. Moscow: Indrik Publ., 2018. Pp. 453–463. (in Russian).
- Dmitriev, Mikhail Vladimirovich. Pravoslavnoe i «russkoe» v predstavleniyakh o «russkom narode» Rechi Pospolitoy (konets XVI – sredina XVII vv.) [The Orthodox and the “Russian” in representations about “Ruthenian people” of the Rzechpospolita (late XVIth – middle XVIIth centuries)], in Doronin, Andrey Vladimirovich (ed.). *Drevnyaya Rus' posle Drevney Rusi: Diskurs vostochnoslavyanskogo (ne)edinstva*. Moscow: Political encyclopedia Publ., 2017. Pp. 193–214. (in Russian).

Dmitriev, Mikhail Vladimirovich. «Russkiy narod» ili «lyudi Bozhii»? Ob osobennostyakh protonatsional'nykh diskursov v kul'ture Moskovskoy Rusi [“Russian people” or “God’s people”? About peculiarities of the protonational discourses in culture of Muscovy], in Boytsov, Mikhail Anatolyevich; Voskoboynikov, Oleg Sergeevich (eds). *Polystoria. Bog, Rim, narod v srednevekovoy Evrope*. Moscow: High School of Economics Publ., 2021. Pp. 256–304. (in Russian).

Dmitriev, Mikhail Vladimirovich; Shpirt, Andrey Mikhaylovich. Identichnost' Rusi i «rusi» v pismennykh pamyatnikakh ukrainsko-belorusskoy pravoslavnoy kul'tury XV–XVII vv.: Istoriograficheskie zametki [Rus' and “rus” identity in written texts of the Ruthenian Orthodox culture in the XVth–XVIIth centuries: Remarks on historiography], in Doronin, Andrey Vladimirovich (ed.). *Narrativy rusi kontsa XV – serediny XVIII vv.: V poiskakh svoey istorii*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2017. Pp. 332–383. (in Russian).

Dobrovolskiy, Dmitriy Anatolyevich. Nachal'naya letopis' kak istochnik po istorii kollektivnogo samosoznaniya Drevney Rusi [Primary chronicle as source on history of collective self-consciousness in Old Russia], in *Dialog so vremenem*. 2009. No. 27. Pp. 43–61. (in Russian).

Dobrovolskiy, Dmitriy Anatolyevich. «Yakozhe i praroditeli nashi pogynusha»: K voprosu ob etnicheskom samosoznaniy drevnerusskikh letopistsev XI – nachala XII v. [“As our fore-fathers perished”: on the ethnic self-consciousness of authors of chronicles in Old Russia, XIth – early XIIth centuries], in *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2010. No. 7. Pp. 83–95. (in Russian).

Dujcev, Ivan. *La crise idéologique de 1203–1204 et ses repercussions sur la civilisation byzantine* [The ideological crisis of 1203–1204 and its impact of the Byzantine civilization]. Paris: J. Maisonneuve Publ., 1976. (Cahiers de travaux et de conférences). 68 p. (in French).

Dutu, Alexandru. Redecouvrir Rome et la seconde Rome. Une demarche historiographique historiographique [To re-discover Rome and the second Rome], in *Roma, Constantinopoli, Mosca*. Naples: Edizione scientifica Italiana Publ., 1983. (Dalla Roma alla Terza Roma. Documenti e studi. Studi. I). P. 325–335. (in French).

Eichenberger, Thomas. *Patria. Studien zur Bedeutung des Wortes im Mittelalter (VI–XII Jahrhundert)* [Patria. Studies on word's meaning in Middle Ages (VIth – XIIth centuries)]. Sigmaringen: Jan Thorbecke Publ., 1991. 287 p. (in German).

Erusalimskiy, Konstantin Yuryevich. Nacione Moschus: Identichnost' vykhodtsev iz Moskovskogo gosudarstva v Rechi Pospolitoy XVI – nachala XVII v. [Identity of newcomers from Muscovite State in the Rzeczpospolita, XVIth – early XVIIth centuries], in *Vestnik RGGU. Seriya «Istoricheskie nauki. Istoriya / Studia classica et mediaevalia»*. Moscow, 2011. No. 14 (76)/11. Pp. 326–352. (in Russian).

Erusalimskiy, Konstantin Yuryevich. *Na sluzhbe korolya i Rechi Pospolitoy* [On king's and Rzeczpospolita's service]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2018. 1012 p. (in Russian).

Erusalimskiy, Konstantin Yuryevich. Ponyatiya «narod», «Rosia», «Ruskaya zemlya» i sotsial'nye diskursy Moskovskoy Rusi kontsa XV – XVII vv. [Notions of “people”, “Russia”, “Russian land” and social discourses in Muscovite Russia, end of the XVth through XVIIth centuries], in Dmitriev, Mikhail Vladimirovich (ed.). *Religioznye i etnicheskie traditsii v formirovanii natsional'nykh identichnostey v Evrope. Srednie veka – Novoye vremya*. Moscow: Indrik Publ., 2008. Pp. 137–179. (in Russian).

Erusalimsky, Konstantin. The Notion of People in Medieval and Early-Modern Russia, in *Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne*. 2011. Vol. 3 (2). Pp. 9–34.

Eshel, Shay. *The concept of the Elect Nation in Byzantium*. Leiden; Boston: Brill Publ., 2018. 224 p.

Florya, Boris Nikolaevich. Otrazhenie religioznykh konfliktov mezhdru protivnikami i priverzhentsami unii v «massovom soznaniy» prostogo naseleniya Ukrainy i Belorussii v pervoy polovine XVII v. [Representations of religious conflicts between foes and proponents of the Church union in the „mass consciousness“ of ordinary population of Ukraine and Belorussia in the first half of the XVIIth century], in Dmitriev, Mikhail Vladimirovich; Zaborovskiy, Lev Valentinovich; Turilov, Anatoliy Arkadyevich; Florya, Boris Nikolaevich. *Brestskaya uniya 1596 g. i obshchestvenno-politicheskaya bor'ba na Ukraine i v Belorussii v kontse XVI – nachale XVII v.* Moscow, 1996. Part 2. Pp. 151–174. (in Russian).

Florya, Boris Nikolaevich. Natsional'no-konfesiynna svidomist' naseleण्या Skhidnoy Ukraini v pershiy polovini XVII stolittya [National and confessional self-consciousness of population in the Eastern part of Ukraine in the first half of the XVIIth century], in Gudzyak, Boris; Turiy, Oleg (eds). *Beresteyska uniya ta vnutrishne zhiittya Tserkvi u XVII stolitti: Materialy Chetvertikh «Beresteyskikh chitan'»*, Lviv, Lutsk, Kyiv, 2–6 zhovtnya 1995 r. Lviv, 1997. Pp. 125–147. (in Ukrainian).

Grala, Hieronim. Byla li «Svyataya Rus'» «mestom pamyati» rusi Rechi Pospolitoy? [Was “Holy Russia” a “place of memory” of rus' of the in the Rzeczpospolita?], in Doronin, Andrey Vladimirovich (ed.). *«Mesta pamyati» rusi kontsa XV – serediny XVIII v.* Moscow: ROSSPEN Publ., 2019. Pp. 260–291. (in Russian).

- Ivánska, Endre von. *Rhomäerreich und Gottesvolk. Das Glaubens-, Staats- und Volksbewusstsein der Byzantiner und seine Auswirkung auf die ostkirchliche-osteuropäische Geisteshaltung [Empire of Romans and God's people. Confessional, political and national self-consciousness of the Byzantines and its impact on the East-Christian and East-European mindset]*. Freiburg; Munich: Karl Alber Publ., 1968. 167 p. (in German).
- Kaldellis, Anthony. *Hellenism in Byzantium: The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition (Greek Culture in the Roman World)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 468 p.
- Kantorowicz, Ernst. *Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoy politicheskoy teologii [The king's two bodies. A study in medieval political theology]*. Moscow: Gaidar Institute Press, 2014. 744 p. (in Russian).
- Kantorowicz, Ernst. Mourir pour la patrie (Pro Patria Mori) dans la pensée politique médiévale, in Kantorowicz, Ernst. *Mourir pour la patrie et les autres textes*. Paris: PUF Publ., 1984. Pp. 105–141. (in French).
- Kantorowicz, Ernst Hartwig. Pro Patria Mori in Medieval Political Thought [To die for the sake of fatherland (Pro Patria Mori) in medieval political thought], in *American Historical Review*. Vol. 56 (1951). Pp. 472–492.
- Kohut, Zenon E. A Dynastic or Ethno-Dynastic Tsardom? Two Early Modern Concepts of Russia, in Siefert, Marsha (ed.). *Extending the Borders of Russian History. Essays in Honor of A. J. Rieber*. Budapest; New York, 2003. Pp. 17–30.
- Laushkin, Aleksey Vladimirovich. K voprosu o razvitií etnicheskogo samosoznaniya drevnerusskoy narodnosti («khresteyani» i «khrestyanskiy») v pamyatnikakh letopisaniya XI–XIII vv.) [On the development of ethnic self-consciousness of the Old-Russian population (“Christians and “Christian” in chronicles, XIth–XIIIth centuries), in *Srednevekovaya Rus': Voprosy medievistiki*. Moscow, 2006. Issue 6. Pp. 29–65. (in Russian).
- Laushkin, Aleksey Vladimirovich. *Rus' i sosedi: Istoriya etnokonfessional'nykh predstavleniy v drevnerusskoy knizhnosti XI–XIII vv. [Rus' and its neighbours: history of ethno-confessional representations in the Old Russians bookish culture]*. Moscow: Dmitry Pozharsky University Press, 2019. 304 p. (in Russian).
- Litavrin, Gennadiy Grigoryevich. Nekotorye osobennosti etnonimov v vizantiyskikh istochnikakh, in *Voprosy etnogeneza i etnicheskoy istorii slavyan i vostochnykh romantsev*. Moscow: Nauka Publ., 1976. Pp. 198–216. (in Russian).
- Litavrin, Gennadiy Grigoryevich. Vizantiytsy i slavyane — vzaimnye predstavleniya [Some peculiarities of ethnic names in the Byzantine sources], in Litavrin, Gennadiy Grigoryevich. *Vizantiya i slavyane*. Sbornik statey. St. Petersburg: Aletheia Publ., 1999. Pp. 590–602. (in Russian).
- Malamut, Elizabeth. De l'empire des Romains à la nation des Hellènes. Evolution de l'identité des Byzantins de fin du XIe au XVe siècle [From Romans' Empire to the nation of Hellenes. Evolution of Byzantines' identity, end of the XIth through XVth centuries], in *Nation et nations au Moyen Age. XLIVe congrès de la SHMESP. Prague, 23–26 mai 2013*. Paris, 2014. Pp. 165–179. (in French).
- Nemenskiy, Oleg Borisovich. Ob etnokonfessional'nom samosoznanii pravoslavnogo i uniatskogo naseleniya Rechi Pospolitoy posle Brestskoy unii [On the ethnoconfessional self-consciousness of the Uiate and Orthodox population of the Rzeczpospolita after the Union of Brest], in Nemenskiy, Oleg Borisovich (ed.). *Mezhdú Moskvoy, Varshavoy i Kievom: Sbornik statey*. Moscow, 2008. Pp. 105–113. (in Russian).
- Nicol, Donald. *Church and Society in the last centuries of Byzantium*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 162 p.
- Page, Gill. *Being Byzantine: Greek Identity before the Ottomans*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 344 p.
- Petrukhin, Vladimir Yakovlevich. Drevnyaya Rus': Etnicheskiy aspekt stanovleniya i razvitiya gosudarstvennosti [Old Rus': the ethnic aspect in the emergence and evolution of statehood], in Krasovitskaya, Tamara Yusufovna; Tishkov, Valeriy Aleksandrovich (eds). *Etnicheskiy i religiozniy faktory v formirovanií i evolyutsii rossiyskogo gosudarstva*. Moscow: New chronograph Publ., 2012. Pp. 9–59. (in Russian).
- Podskalsky, Gerhard. *Byzantinische Reicheschatologie. Die Periodisierung des Weltgeschichte in den vier Grossreichen (Daniel 2 und 7) und dem Tausendjährigen Friedensreiche (Apokl 20). Eine Motivgeschichtliche Untersuchung [The Byzantine imperial eschatology. Periodization of the world history in four great empires (Dan., 2 and 7) and the millennial empire of peace (Apocal., 20). A study in history of ideas]*. Munich: Wilhelm Fink Publ., 1972. (Münchener Universitäts-Schriften. Reihe des Philosophischen Fakultät, 9). 114 p. (in German).

- Reynolds, Susan. Medieval «origines gentium» and the community of the realm, in *History*. Vol. 68. No. 224 (1983). Pp. 383–384.
- Smythe, Dion Clive. Byzantine Identity and Labelling Theory, in Fledelius, Karsten (ed.). *Byzantium. Identity, Image, Influence*. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Major Papers. Copenhagen, 1996. Pp. 26–36.
- Stefanovich, Petr Sergeevich. Identichnost' rusi v «impersko-eskhatologicheskoy» perspektive sostavitelya «Nachal'nogo svoda» [Rus' identity in the imperial and eschatological perspective of compiler of "The primary chronicle"], in *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki*. Moscow, 2018. Pp. 48–64. (in Russian).
- Stefanovich, Petr Sergeevich. K voprosu o ponyatii rus' v drevneyshem letopisanii [About notion of "rus'" in the Old Russian chronicles], in *Slověne*. 2018. Vol. 7. № 2. Pp. 356–382. (in Russian).
- Stefanovich, Petr Sergeevich. Novye podkhody k etnichnosti v medievistike: vzglyad iz «drevnerusskoy perspektivy» [New approaches to ethnicity in medieval studies: a look from an „Old Russian perspective”], in Tishkov, Valeriy Aleksandrovich; Pivneva, Elena Anatolyevna (eds). *Istoricheskaya pamyat' i rossiyskaya identichnost'*. Moscow: Russian Academy of Sciences Press, 2018. Pp. 467–486. (in Russian).
- Stefanovich, Petr Sergeevich. Rus' protopopa Avvakuma: ot «novogo Izrailya» k «dukhovnomu bratstvu» [Rus' of protopop Avvakum: from the “New Israel” to the “spiritual brotherhood”], in Doronin, Andrey Vladimirovich (ed.). *Religiya i rus', XV–XVIII vv.* Moscow: Political encyclopedia Publ., 2020. Pp. 369–389. (in Russian).
- Tkachuk, Vitaliy Anatolyevich. «Ruskaya vera» kon. XVI – pervoy pol. XVII v. [“Ruthenian faith”, end of the XVIth – first half of the XVIIth centuries], in Doronin, Andrey Vladimirovich (ed.). *Religiya i rus', XV–XVIII vv.* Moscow: Political encyclopedia Publ., 2020. Pp. 291–311. (in Russian).
- Yardeni, Myriam. *La conscience nationale en France pendant les guerres de religion (1559–1598)* [National self-consciousness in France in the epoch of the wars of religion, 1559–1598]. Paris; Louvain: Nauwelaerts Publ., 1971. 392 p. (in French).
- Yardeni, Myriam. *Enquêtes sur l'identité de la «nation France». De la Renaissance aux Lumières* [Studies on the identity of « the French nation ». From Renaissance to Enlightenment]. Seyssel: Champ Vallon, 2004. 379 p. (in French).
- Zientara, Benedykt. La conscience nationale en Europe Occidentale au Moyen Âge. Naissance et mécanismes du phénomène [National self-consciousness in Western Europe in Middle Ages. Birth and mechanisms of a phenomenon], in *Acta Poloniae Historica*. Vol. 46 (1982). Pp. 5–30. (in French).
- Zientara, Benedykt. *Świt narodów europejskich. Powstawanie świadomości narodowej na obszarze Europy pocarolińskiej* [Sunrise of the European peoples. Emergence of the national self-consciousness in the area of post-Carolingian Europe]. Warsaw: PIW Publ., 1985. 434 p. (in Polish).